

Его голос эхом разносился в тишине экипажа, словно каждое слово ударяло по ушам, заставляя содрогаться. Цзян Лоюй сидел в углу экипажа, опустив голову, и долгое время молчал. Лишь когда Бай Миньюй закончил перевязку и поднял взгляд, чтобы снова посмотреть на него, он понял, что в полумраке экипажа так и не смог разглядеть лицо Цзян Лоюя.

Он пристально смотрел на сидящего перед ним человека, его холодные пальцы сжали запястье, и взгляд, оторвавшись от кровоточащей ладони, с недоумением устремился на лицо Цзян Лоюя, скрытое в темноте. Ему казалось невероятным, что Цзян Лоюй может быть настолько равнодушным и холодным, и он тихо спросил:

— Больно?

«Больно?»

Услышав эти слова, Цзян Лоюй резко открыл глаза. В глубине его глаз, подобных черному нефриту, словно что-то бурлило, готовое вырваться наружу, и его голос постепенно стал хриплым и зловещим, но в самой глубине таилось странное спокойствие.

— Не больно.

Едва произнеся это, Цзян Лоюй медленно выпрямился. Его свободная рука, которую не держал Бай Миньюй, поднялась, и длинные пальцы коснулись его бледной щеки, медленно двигаясь к уродливому шраму на его лице. Он тихо прошептал:

— Мне совсем не больно. А тебе?

Почувствовав, как пальцы Цзян Лоюя касаются шрама на его лице, Бай Миньюй весь задрожал. Его янтарные глаза сузились, словно от удара чем-то ужасным, но он не мог отвести взгляд, лишь пристально смотрел на человека перед собой, а его тонкие губы побледнели.

Бесконечное пламя, серебряная шпилька, скользящая по коже, хаотичные шаги, развевающиеся белые шелковые ленты, страх, от которого невозможно было убежать в чередовании дня и ночи, и стон, который нельзя было издать, лишь сдерживая его в горле...

А тебе?

Тебе больно?

Почувствовав, как холодные пальцы отпустили его запястье, на лице Цзян Лоюя, до этого спокойном до жути, наконец появилась слабая улыбка. Его пальцы медленно скользили по некогда прекрасному лицу, и острые ногти вдруг опустились, оставив тонкую кровавую царапину на бледной щеке Бай Миньюя.

Бай Миньюй почувствовал легкую боль на лице и медленно закрыл глаза. Впервые на его губах появилась улыбка, смешанная с горечью и страданием.

«Как может не быть больно?»

Когда Цзян Лоюй увидел эту улыбку и каплю крови, сочившуюся из новой царапины, он словно очнулся от транса. В глубине его глаз, подобных черному нефриту, мелькнула сложная эмоция, но его рука уже протянулась, чтобы крепко обнять человека перед собой, а его щека прижалась к холодным черным волосам.

Экипаж продолжал двигаться вперед, и аромат орхидеи поднимался из курилницы. Бай Миньюй медленно открыл глаза, его холодные пальцы поднялись, и он почувствовал, как человек, крепко обнимающий его, начал дрожать. Он сжал свои бледные губы, пальцы коснулись бледно-голубого воротника одежды и тихо легли на грудь, где билось сердце. Его щека медленно прижалась к ней.

Цзян Лоюй опустил голову, позволяя черным волосам упасть на плечи, почти скрывая его искаженное выражение лица. В этот момент он почувствовал, как что-то холодное коснулось его груди, постепенно успокаивая скрытую там боль.

Он не смог сдержаться и наклонился, его нераненая рука подняла лицо человека в своих объятиях, и пальцы с тревогой коснулись его тонких, бледных губ, словно он хотел наклониться и прикоснуться к этой мягкости. Все его тело дрожало от неожиданного желания и боли, наполняющей его сердце, и он дрожал все сильнее.

Ему было больно.

Так больно, что он почти умирал.

Бай Миньюй... Бай Миньюй...

Он беззвучно повторял это имя, словно оно могло облегчить боль.

Почувствовав, как холодные губы Цзян Лоюя, дрожа, приблизились, а затем на его губах появилась острая боль и густой запах крови наполнил рот, Бай Миньюй покорно наклонил голову, позволяя тому кусать свои губы, словно он рвал и пожирал его плоть.

Это не был нежный поцелуй, полный любви, а жестокий выплеск ненависти.

Когда этот мучительный поцелуй закончился, на губах Бай Миньюя уже было несколько следов от зубов, а губы Цзян Лоюя окрасились в темно-красный цвет. Его прекрасное лицо, освещенное солнечным светом, проникающим в экипаж, выглядело как холодная статуя без дыхания, но его глаза, подобные черному нефриту, постепенно смягчились.

Бай Миньюй, видя, как его взгляд постепенно возвращается к норме, а выражение лица становится привычно спокойным, с трудом улыбнулся. Но прежде чем он успел что-то сказать, Цзян Лоюй снова наклонился, и его теплые губы коснулись его, нежно облизывая раны на губах, а его руки крепче обняли его за талию, словно он хотел вобрать его в себя.

Каждое прикосновение мягких губ к ранам на губах вызывало легкую боль, но заставляло все тело дрожать. Бай Миньюй невольно опустил веки, его ладонь легла на грудь Цзян Лоюя, а янтарные глаза, словно затянутые дымкой, смотрели мягко и нежно.

Второй поцелуй длился неизвестно сколько времени, прежде чем Цзян Лоюй медленно выпрямился, отпустив Бай Миньюя. На его губах появилась улыбка, и он уже собирался что-то сказать, но увидел, как Бай Миньюй снова наклонился, прижав щеку к его груди, и тихо спросил:

— Если раны не болят, то что насчет твоего сердца?

В тишине он спокойно лежал на груди Цзян Лоюя, словно не замечая, как лицо того резко побледнело после этих слов, и медленно произнес:

— Оно... болит?

Твое сердце, оно болит?

Едва он произнес эти слова, Цзян Лююй с недоумением посмотрел вниз, на белый силуэт, прижатый к его груди, и в его голове промелькнул тот поцелуй под цветущей грушей, когда он едва сдерживал свои чувства, и та дрожь в сердце, которую он только что ощутил.

То желание, которого он не испытывал в прошлой жизни, но значение которого он понимал.

Всего несколько месяцев прошло, а он уже начал испытывать к этому человеку, прижавшемуся к нему, нечто, что сам не мог до конца понять.

Если бы Бай Миньюй не произнес этих слов, и его сердце не содрогнулось бы так сильно, продолжал бы он обманывать себя, приближаясь к этому человеку, чтобы в конце концов, как и в прошлой жизни, сгореть в огне любви, превратившись в горстку пепла?

Разве этого мало?

Цзян Лююй.

«Разве ты не наелся горя от этой любви? В этой жизни ты снова дашь другому человеку возможность нанести удар в самое сердце, оставив тебя одного, преданного всеми?»

— ...Уходи... уходи!

Темнота снова накрыла его, и лицо Цзян Лююя исказилось от ярости. Он чувствовал, как все его тело дрожит, словно тысячи ножей режут его изнутри, как тогда, когда его заставили выпить ту чашу с ядом в прошлой жизни.

Он с силой оттолкнул человека, прижавшегося к нему, и почти не видел, что происходит вокруг. Бесконечное отчаяние окутало его, и кровь стекала с уголка его губ, а его голос стал хриплым и полным боли:

— Уходи! Убирайся!

Чжу Юэ, услышав шум в экипаже, с удивлением обернулась, чтобы посмотреть, что происходит, но прежде чем она успела поднять занавеску, увидела, как Бай Миньюй, опустив голову, молча стоял на коленях рядом с ней. Лицо его было совершенно бледным.

Увидев это, она сразу же велела кучеру остановить экипаж, помогла Бай Миньюю выйти и тихо, с тревогой спросила:

— ...Бай Шуан, это... что случилось с наследником?

— Он не хочет меня видеть.

Бай Миньюй слегка поднял голову, его янтарные глаза посмотрели на остановившийся экипаж, и на его губах появилась слабая улыбка, а в глазах застыли слезы. Он тихо произнес:

— Езжайте. Он больше не позволит мне войти. Я сам найду способ вернуться.